

*“Я серьезно убежден,
что миром правят
совсем сумасшедшие”.*

Л. Н. Толстой

Лев Толстой

НЕПРАВДЫ РУССКОЙ ВЛАСТИ

«НЫНЕ ВАШЕ ВРЕМЯ И ВЛАСТЬ ТЬМЫ»

КТО МЫ?

Лев Толстой

**Неправды русской власти. «Ныне
ваше время и власть тьмы»**

«Алисторус»

1895-1905

УДК 13
ББК 87

Толстой Л. Н.

Неправды русской власти. «Ныне ваше время и власть тьмы» /
Л. Н. Толстой — «Алисторус», 1895-1905 — (Кто мы?)

ISBN 978-5-00180-643-1

«Ныне ваше время и власть тьмы», – эти слова из Евангелия поставил Л. Н. Толстой эпиграфом к одной из своих работ о положении России на рубеже XIX–XX веков. «Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться и летим в нее... Управляемы мы несколькими десятками самых безнравственных, хитрых, корыстных людей. Оскорбительно и унизительно повиноваться и подчиняться этим людям, на наших глазах разными подлостями и гадостями вылезшим на высшие места и захватившим власть», – писал Толстой. Он утверждал, что «власть держится одними неправдами», и потому «прежде вызывавшая в народе восторг и преданность, теперь в большей и лучшей части людей вызывает не только равнодушие, но часто презрение и ненависть». Об этом его статьи, помещенные в данной книге.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-00180-643-1

© Толстой Л. Н., 1895-1905
© Алисторус, 1895-1905

Содержание

Вместо предисловия	6
Пробуждение от гипноза патриотизма	9
Одумайтесь!	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лев Толстой
Неправды русской власти. «Ныне
ваше время и власть тьмы»

© ООО «Издательство Родина», 2022

Вместо предисловия

Три неправды (из одноименной статьи)

Есть три великие неправды. От них страдают все народы. Страдают и язычники, и христианские народы, и наш русский народ.

Первая неправда в том, что правительство, затеяв какие-нибудь споры с другими правительствами, захватив чужие земли и не отдавши те, какие оно прежде захватило, или просто поссорившись с правительственными лицами другого государства, может во всякий час затеять войну и потребовать людей в войска и погнать их на убиения и убийства.

Мало того что правительство может всякую минуту оторвать рабочих людей от их семей и труда и послать их за тысячи верст на убийство, – что все правительства всегда и делают, – еще и до начала войны правительства отрывают людей от работы, собирают их в войска и годами держат их в праздной, развратной жизни, обучая их убийству и тратя на эти приготовления большую часть тех денег, которые собирают с народа.

Живет человек, трудится, кормится с семьей, и вдруг правительство, про которое он ничего не знает, затевает войну, и от человека этого отбирают деньги на ненужное ему военное дело, отрывают его самого от дела и посылают на убийство – других убивать или самому быть убитому и – хуже всего – часто доводят до того, что приходят те, которым объявили войну, и разоряют его дом и заставляют его еще платить себе за это. Так что пока есть солдатство, человек никогда не может быть спокоен и уверен, что все труды его не пропадут даром и что сам он не будет послан на убийство.

Вторая неправда – это подати и прямые налоги по стольку то с души, пошлины на товары и на всякие сделки и даже на переезд с места на место, так что работающему человеку шагу ступить, купить ничего нельзя без того, чтобы не отдавать часть своего заработка тем людям, которые собирают с него эти дани и потребляют их, как им хочется. Человек, с которого берут подати, сколько бы ни работал, никогда не может знать, что у него есть и что останется, потому что власти всегда могут назначить новые подати, и чем он больше будет работать, тем больше и будут брать. Так они и делают.

Для души же эта неправда вредна тем, что люди, собирающие и потребляющие подати получая их без труда, распоряжаются ими, как им вздумается, большей частью для своей корысти, своего честолюбия, тщеславия, развращаются оттого, что распоряжаются не заработанным, чужим имуществом и развращают всех тех своих помощников – чиновников, которые дуром раздают эти чужие денежки. Народ же, глядя на пользование этими шальными деньгами, или завидует им, злобится или старается приладиться к этим людям, чтобы тоже попользоваться незаработанными деньгами. Так что и от этой неправды великое расстройство в народе.

Третья неправда – не меньше второй, и от нее также много зла и телесного и духовного. Неправда эта в том, что люди захватили землю и стали ее, как всякие вещи, покупать, продавать, дарить, закладывать.

Неправда эта больше всех других теперь в глаза тычется. Стало всем ясно, что если богачи захотят скупить и скупают всю землю, то жителям надо будет всем поступить к ним в рабство за то, чтобы они позволили им жить и кормиться на земле. Ясно стало особенно потому, что народ все больше и больше бедствует, и тот, который остается на земле, и тот, который сошел с земли и живет по городам на заводах и в прислугах.

Неправда эта больше двух первых вредна для тела и для души людей. Телесный вред тот, что без земли и при малой земле люди живут или по деревням в нужде, без хорошей пищи, и вымирают и слабеют или живут по городам, тоже дурной, нездоровой жизнью и сами слабеют и перестают размножаться. Душевное же зло от этой неправды то, что люди, лишенные

земли, злобятся на захвативших землю и на богачей, а захватившие землю люди чувствуют свою неправду, боятся, выдумывают лживые отговорки и также ненавидят тех, против кого грешат. Народ же без земли идет в города и, прислуживая богачам, все больше и больше отвыкает от доброй жизни и развращается.

Какие бы люди ни были во власти, они всегда думают о своей выгоде, о своей славе, а не о народе. Благо – он повинует, можно с ним что хочешь делать. Отбирают подати, не глядя на нужды народные, для своих целей, и удерживая за богачами землю, потому что им важно не то, что нужно народу, а то, что нужно богатым к их поддержке.

И выходит то, что люди повелевающие заставляют повинующихся людей делать дела нужные для них, для повелевающих людей, но вредные другим людям. От этого – солдатство, подати, отнятая земля. И так это везде, где только есть люди властвующие – правительство, издающее для всех законы и требующее того, чтобы все их исполняли. И то же везде так же при одном самодержавном царе или султани и при республиканском правлении, где управляет не один, а многие. Везде солдатство по набору или по найму, и везде затеваются ненужные, вредные войны и посылают тех, которые повинуются, на войны.

Те, кто властвуют, говорят, что без войска мы все пропадем и что все мы живы только потому, что есть войско. Но ведь все видят и знают, особенно теперь после японской войны, что это неправда. Нам не было и нет никакой нужды лезть в чужие дальние земли, в Китай, когда у нас земли девают некуда, и миллионы десятин лежат необработанными, и вся земля наша не устроена. А мы полезли куда нас никто не спрашивал и погубили тысячи миллионов денег, и сотни тысяч ни в чем не повинных людей убиты и изуродованы.

* * *

Так как же избавиться от этих трех неправд?

Было время, когда люди не видели этих неправд и думали, что без них нельзя быть; что богачам надо владеть землями (прежде думали, что им надо владеть и душами), что без подати и пошлин нельзя быть и нельзя быть без солдатства. Но пришло время, и люди стали понимать, что это не должно быть, что это грех для тех, кто делает это, и бесполезное мучительство для тех, кто терпит это. И люди стали искать средств избавления от этих неправд и ищут их, потому что чувствуют, что этого не должно быть, и что Бог не хочет того, чтобы это так было, и что средства должны быть для этого. И я думаю, что средства эти есть, и очень просты и возможны, и что сколько бы мы не ошибались, сколько бы не ходили вокруг да около, мы придем к этим средствам, потому что средства эти легки, возможны и наверное избавляют нас от той страшной неправды, от которой мы страдаем.

Избавление только в одном: в том, чтобы повиноваться Богу, а не повиноваться людям.

Стоить только людям поверить в это, и все три неправды исчезнут сами собой.

Для того чтобы достигнуть нашей ближайшей цели, надо только не повиноваться никакой власти человеческой, а жить так, как мы живем и вы живете – не каждый порознь, а в мире, в общине, работая каждый для себя, но сходясь для обсуждения общественных и хозяйственных дел наших в сходки, и повиноваться только тому, в чем мы добровольно согласились, а во всех же делах правительства не участвовать.

Для того же, чтобы не было солдатства, нужно только одно: не принуждать другие народы жить под нашим русским законом и властью, а оставить и поляков, и немцев, и финляндцев, и грузин, и татар, и черкесов, и всех тех людей, которые теперь живут под русской властью, устраиваться жить каждому народу по своему.

Для того чтобы не было нужды в войнах, нужно только устроить добрую, справедливую жизнь без податей и запретной земли, и тогда никто не придет воевать с таким народом, а скорее придут учиться у таких людей жить свободно и без греха. Если же и нашлись бы такие

жестокие люди, которые стали бы обижать таких людей, отнимать у них их имущество и землю, то все-таки много выгоднее бы было терпеть всякую обиду, чем бороться, воевать с такими людьми или, что еще хуже, повиноваться им.

Терпеть можно всякое зло (на то люди) от судьбы, от других людей, но хуже всего делать то, что теперь делают, – терпеть от самих же себя оттого, что повинешься той власти, которая тебя мучает.

Пробуждение от гипноза патриотизма

Одумайтесь! (из одноименной статьи)

«Ныне ваше время и власть тьмы».
Лука, XXII, 53.

Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Еще можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неученый, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, — можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире — убийства братьев — доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней, и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны, возбуждать к ней, посылать на нее своих несчастных, обманутых братьев?

Ведь не могут же эти так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают все это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещенные люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, т. е. трудов людских на приготовления к войнам, в самых войнах гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей).

Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (на освобождение негров истрачено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга).

Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых

в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие, так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались.

Все так называемые просвещенные люди знают все это. И вдруг начинается война, и все это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимопросвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

* * *

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русский царь, тот самый, который призывал все народы к миру, всенародно объявляет, что, несмотря на все заботы свои о сохранении дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшиеся захватом чужих земель и усилением войск для защиты этих захваченных земель), он, вследствие нападения японцев, повелевает делать по отношению японцев то же, что начали делать японцы по отношению русских, т. е. убивать их; и объявляя об этом призыве к убийству, он поминает Бога, призывая его благословение на самое ужасное в свете преступление. То же самое по отношению русских провозгласил японский император.

Ученые юристы, господа Муравьев и Мартенс, старательно доказывают, что в призыве народов ко всеобщему миру и возбуждении войны из-за захватов чужих земель нет никакого противоречия. И дипломаты на утонченном французском языке печатают и рассылают циркуляры, в которых подробно и старательно доказывают, — хотя и знают, что никто им не верит, — что только после всех попыток установить мирные отношения (в действительности, всех попыток обмануть другие государства) русское правительство вынуждено прибегнуть к единственному средству разумного разрешения вопроса, т. е. к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты.

Ученые, историки, философы, с своей стороны сравнивая настоящее с прошедшим и делая из этих сопоставлений глубокомысленные выводы, пространно рассуждают о законах движения народов, об отношении желтой и белой расы, буддизма и христианства, и на основании этих выводов и соображений оправдывают убийство христианами людей желтой расы, точно так же как ученые и философы японские оправдывают убийство людей белой расы.

Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять друг друга и не останавливаясь ни перед какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

И не говоря уже о военных, по своей профессии готовящихся к убийству, толпы так называемых просвещенных людей, ничем и никем к этому не побуждаемых, как профессора, земские деятели, студенты, дворяне, купцы, выражают самые враждебные, презрительные чувства к японцам, англичанам, американцам, к которым они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царем,

к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими. Все подносят друг другу безобразные иконы, в которые не только никто из просвещенных людей не верит, но которые безграмотные мужики начинают оставлять, все в землю кланяются перед этими иконами, целуют их и говорят высокопарно-лживые речи, в которые никто не верит.

Богачи жертвуют ничтожные доли своих безнравственно нажитых богатств на дело убийства или на устройство помощи в деде убийства, и бедняки, с которых правительство собирает ежегодно два миллиарда, считают нужным делать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви, называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одуренные молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жен, детей, с тоской на сердце, но с напущенным молодецеством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали. И за ними едут врачи, сестры милосердия, почему-то полагающие, что дома они не могут служить простым, мирным, страдающим людям, а могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убитых японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И все это не только признается проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумить людей, считаются изменниками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия.

* * *

Посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, – перед сознанием бессилия человеческого разума.

То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство – его разум, оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, в роде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в ее ногах и только раздражающая ее.

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековой христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Ассирияне, римляне, греки могли быть уверены, что, воюя, поступают не только согласно с своей совестью, но совершают даже доброе дело. Но ведь, хотим мы или не хотим этого, мы христиане, и христианство, как бы оно ни было извращено, общий дух его, не мог не поднять нас на ту высшую ступень разума, с которой уже мы не можем не чувствовать всем существом своим не только безумия, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаем хорошим и должным. И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твердо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело.

Все это неестественное, лихорадочное, горячее, безумное возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые речи о преданности, обожании монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), все эти обещания отстаивания грудью чужой земли, все эти бессмысленные благословения друг друга разными стягами и безобразными иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестер милосердия, все эти жертвы на флот и Красный Крест, отдаваемые тому правительству, прямая обязанность которого в том, чтобы, имея возможность собирать с народа сколько ему нужно денег, объявив войну, завести нужный флот и нужные средства перевязки раненых, все эти славянские напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, про произнесение которых в разных городах газеты сообщают, как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, все это одурение и озверение, в котором находится теперь русское общество и которое передается понемногу и массам, – все это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается.

Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата, и потому надо продолжать ее. Так это представляется самым простым, заблудшим, неученым людям, действующим под влиянием мелких страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые ученые люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли, и потому, если бы он и понял, что начатое им дело нехорошо, он не может остановиться.

И ошалевшие, озверевшие люди продолжают ужасное дело.

* * *

Спросите у бросившего старых родителей, жену, детей солдата-рядового, ефрейтора, унтер-офицера, зачем он готовится убивать неизвестных ему людей, – он сначала удивится вашему вопросу. Он солдат, присягал и должен исполнять приказания начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убийство людей, не сходится с заповедью «не убий», то он скажет: «А как же, коли на наших нападают? За царя, за веру православную». (Один на мой вопрос сказал мне: – А как же, коли он на святыню нападет? – На какую? – На знамя.) Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповедь Бога важнее не только знамени, но всего на свете, то он замолчит или рассердится и донесет начальству.

Спросите офицера, генерала, зачем он идет на войну, – он скажет вам, что он военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убийство не сходится с духом христианского закона, не смущает его, потому что он или не верит в этот закон или, если и верит, то не в самый закон, а в то разъяснение, которое дано этому закону. Главное же то,

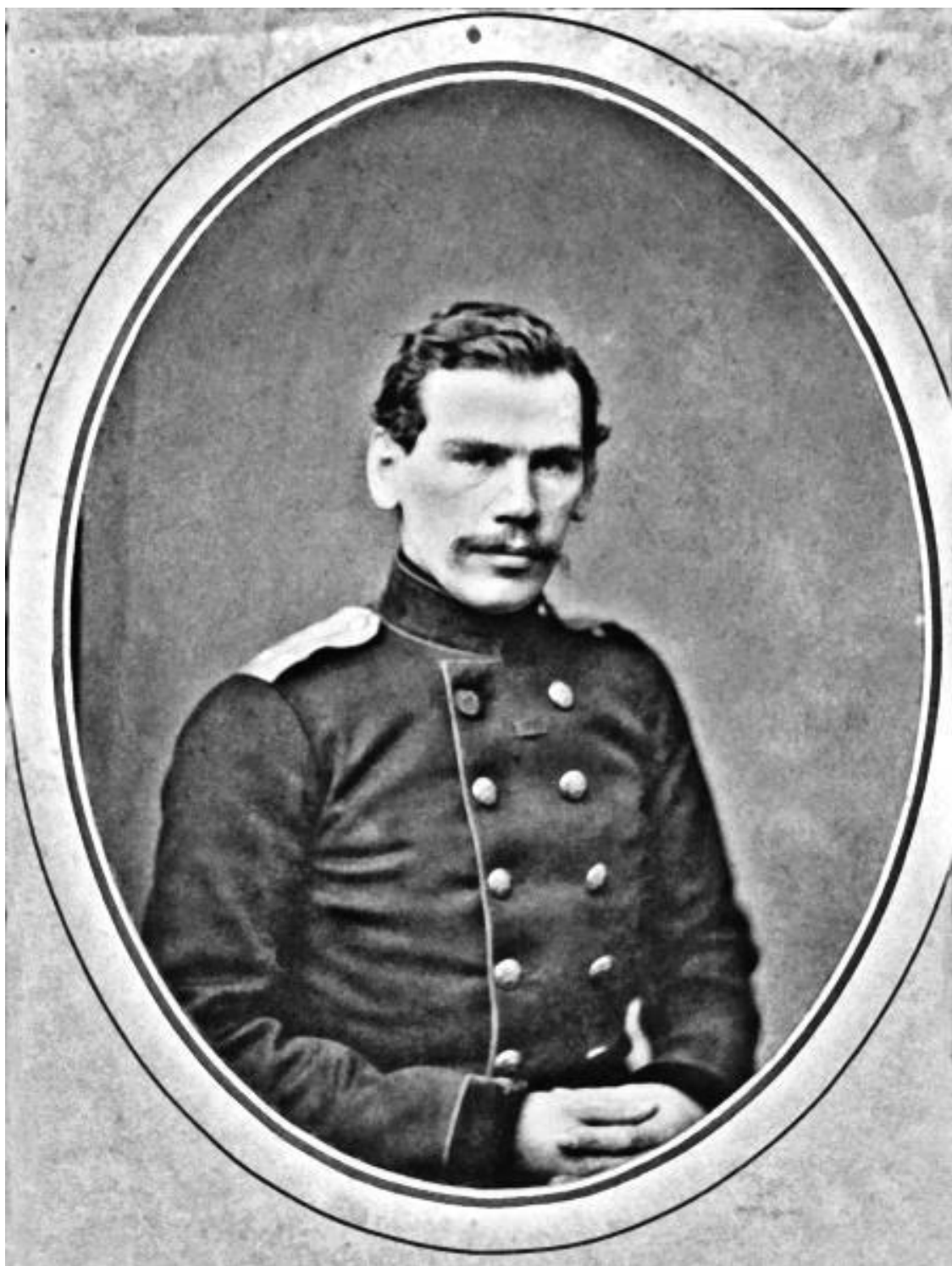
что он, так же как и солдат, на место вопроса личного, что ему делать, всегда подставляет вопрос общий о государстве, отечестве. «В теперешнее время, когда отечество в опасности, надо действовать, а не рассуждать», – скажет он.

Спросите дипломатов, которые своими обманами подготавливают войны, зачем они делают это. Они скажут вам, что цель их деятельности в установлении мира между народами и что цель эта достигается не идеальными, неосуществимыми теориями, а дипломатической деятельностью и готовностью к войне. И точно так же, как военные вместо вопроса о своей жизни поставят вопрос общий, так и дипломаты будут говорить об интересах России, о недобросовестности других держав, о европейском равновесии, а не о своей жизни и деятельности.

Спросите журналистов, зачем они своими писаниями возбуждают людей к войне, – они скажут, что войны вообще необходимы и полезны, в особенности же теперешняя война, и подтвердят это свое мнение неясными патриотическими фразами и, точно так же как военные и дипломаты, на вопрос о том, почему он, журналист, определенная личность, живой человек, поступает известным образом, будет говорить об общих интересах народа, государстве, цивилизации, белой расе.

Точно так же объяснят свое участие в деле войны все подготовители ее. Они, пожалуй, согласны в том, что желательно было бы уничтожить войну, но теперь это невозможно, теперь они, как русские и как люди, занимающие известные положения предводителя, земца, врача, деятеля Красного Креста, призваны действовать, а не рассуждать. Некогда рассуждать и о себе думать, скажут они, когда есть великое общее дело.

То же скажет кажущийся виновником всего дела царь. Он, так же как солдат, удивится вопросу о том, нужна ли теперь война. Он не допускает даже мысли о том, что можно было бы теперь прекратить войну. Он скажет, что он не может не исполнять того, что требует от него весь народ, что, хотя он и признает войну великим злом и употреблял и готов употреблять все средства для уничтожения ее, в данном случае он не мог не объявить ее и не может не продолжать ее. Это необходимо для блага, и величия России.

Л.Н. Толстой в мундире участника Крымской войны. 1856 г.

Л.Н. Толстой был участником двух войн: Кавказской и Крымской. Будучи артиллерийским офицером, Толстой оставался на Кавказе два года, бывал во многих боях с горцами. С началом Крымской войны он перевелся в Дунайскую армию, участвовал в сражении при Ольтенице и в осаде Силистрии, а с ноября 1854 г. по конец августа 1855 г. был в Севастополе, сражаясь на самом опасном пункте обороны города – 4-м бастионе. За оборону Севастополя Толстой был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», медалями «За защиту Севастополя 1854–1855» и «В память войны 1853–1856 годов».

Его «Севастопольские рассказы» стали образцом патриотической литературы (впрочем, далекой от официального патриотизма); позже Толстой пришел к выводу, что патри-

отизм «есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти».

Все эти люди на вопрос о том, почему он, такой-то, Иван, Петр, Николай, признавая для себя обязанность христианского закона, запрещающего не только убийство ближнего, но требующего любви к нему, служения ему, позволяют себе участие в войне, то есть в насилии, в грабеже, убийстве, – одинаково всегда ответят тем, что поступают они так во имя или отечества, или веры, или присяги, или чести, или цивилизации, или будущего блага всего человечества, вообще чего-то отвлеченного и неопределенного. Кроме того, все эти люди всегда так усиленно заняты или приготовлениями к войне, или распоряжениями, или рассуждениями о ней, что в свободное время могут только отдыхать от своих трудов и не имеют времени заниматься рассуждениями о своей жизни, которые они считают праздными.

* * *

Люди нашего христианского мира и нашего времени подобны человеку, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше едет, тем все больше и больше убеждается в том, что едет не туда, куда надобно. И чем больше он сомневается в верности пути, тем быстрее и отчаяннее гонит по нем, утешаясь мыслью, что куда-нибудь да выедет. Но приходит время, когда становится совершенно ясно, что путь, по которому он едет, никуда не приведет, кроме как к пропасти, которую он начинает уже видеть перед собой.

В таком положении находится теперь христианское человечество нашего времени. Ведь совершенно очевидно, что если мы будем продолжать жить так же, как теперь, руководясь как в частной жизни, так и в жизни отдельных государств одним желанием блага себе и своему государству, и будем, как теперь, обеспечивать это благо насилием, то, неизбежно увеличивая средства насилия друг против друга и государства против государства, мы, во-первых, будем все больше и больше разоряться, переноса большую часть своей производительности на вооружение; во-вторых, убивая в войнах друг против друга физически лучших людей, будем все более и более вырождаться и нравственно падать и развращаться.

Что это так будет, если мы не изменим нашей жизни, это так же верно, как математически верно то, что две непараллельные линии должны встретиться. Но мало того, что это теоретически верно: в наше время это становится верно уже не для одного рассудка, но и для чувства. Пропать, к которой мы идем, уже становится видна нам, и самые простые, не философствующие, неученые люди не могут не видеть того, что, все больше и больше вооружаясь друг против друга и истребляя друг друга на войнах, мы, как пауки в банке, ни к чему иному не можем прийти, как только к уничтожению друг друга.

Искреннему, серьезному, разумному человеку нельзя уже утешать себя мыслью о том, что дело может исправить, как это думали прежде, всемирная монархия Рима, Карла Великого, Наполеона, средневековая духовная власть папы, или священные союзы, или политическое равновесие европейского концерта и мирные международные судилища, или, как думали некоторые, увеличение военных сил и вновь изобретенные могущественные орудия истребления.

Устроить всемирную монархию или республику с европейскими штатами невозможно, потому что различные народы никогда не захотят соединиться в одно государство. Устроить международные судилища для решения международных споров? Но кто же заставит подчиниться решению судилища тяжущегося, у которого под ружьем миллионы войска? Разоружиться? Никто не хочет и не может начинать. Придумать еще более ужасные средства истребления: баллоны с начиненными удушливыми газами бомбами, снарядами, которыми люди

будут посыпать друг друга? Что бы ни придумали, все государства заведутся такими же орудиями истребления, пушечное же мясо, как после холодного оружия шло под пули и после пуль покорно шло под гранаты, бомбы, дальнобойные орудия, картечницы, мины, пойдет и под высыпаемые из баллонов бомбы, начиненные удушливыми газами.

Мысль и слово употребляются не на то, чтобы служить руководством человеческой деятельности, а на то, чтобы оправдывать всякую деятельность, как бы она ни была преступна. Все антимилитаристические рассуждения так же мало могут содействовать прекращению войны, как самые красноречивые, убедительные, обращенные к грызущимся собакам доводы о том, что им выгоднее разделить тот кусок мяса, за который они грызутся, чем перекусать друг друга и лишиться куска мяса, который унесет проходящая, не участвующая в драке собака.

Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться и летим в нее.

Для всякого разумного человека, думающего о том положении, в котором находится теперь человечество, и о том, к которому оно неизбежно приближается, не может не быть очевидно, что практического выхода из этого положения нет никакого, что нельзя: придумать никакого такого устройства, учреждения, которое спасло бы нас от той гибели, к которой мы неудержимо стремимся.

Не говоря уже об экономических неразрешимых и все усложняющихся и усложняющихся опасностях, взаимные отношения вооружающихся друг против друга держав, всякую минуту готовые разразиться и разражающиеся войнами, ясно указывают на ту неизбежную гибель, к которой влечется все так называемое цивилизованное человечество.

* * *

Но как же поступить теперь, сейчас? – скажут мне, – у нас в России в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам, – как поступить русскому солдату, офицеру, генералу, царю, частному человеку? Неужели предоставить врагам разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато?

Но ведь прежде чем начато дело войны, кем бы оно ни было начато, – должен ответить всякий одумавшийся человек, – прежде всего начато дело моей жизни. А дело моей жизни не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Дело моей жизни в том, чтобы исполнять волю Того, кто меня послал в эту жизнь. И воля эта известна мне. Воля эта в том, чтобы я любил ближнего и служил ему. Для чего же я, следуя временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким, отступаю от известного мне вечного и неизменного закона всей моей жизни? Если есть Бог, то он не спросит меня, когда я умру (что может случиться всякую секунду), отстоял ли я сцепление, называемое русским государством, которое он не поручал мне, а спросит у меня: что я сделал с той жизнью, которую он дал в мое распоряжение, употребил ли я ее на то, на что она была предназначена и под условием чего она была вверена мне? Исполнял ли я закон его?

Так что на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему свое назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что никакие обстоятельства, – начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, – я не могу поступить иначе как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, не могу, не хочу и не буду. Что будет сейчас или вскоре из того, что я перестану делать то, что противно воле Бога, я не знаю и не могу знать, но верю, что из исполнения воли Бога не может выйти ничего, кроме хорошего, для меня и для всех людей.

Вы с ужасом говорите о том, что бы было, если бы мы, русские, сейчас перестали воевать и уступили бы японцам все то, что они хотят от нас.

Но если справедливо то, что спасение человечества от озверения, самоистребления только в одном: установлении в людях истинной религии, требующей любви к ближнему и служения ему (в чем нельзя не согласиться), то всякая война, всякий час ее и мое участие в ней только делает более трудным и отдаленным осуществление этого единственно возможного спасения. Так что даже становясь на вашу шаткую точку зрения – определения поступков по предполагаемым их последствиям, и тогда уступка японцам со стороны русских всего того, чего они хотят от нас, кроме несомненного блага прекращения разорения и убийства, было бы приближением к единственному средству спасения человечества от его гибели, тогда как продолжение войны, чем бы она ни кончилась, было бы отдалением от единственного средства спасения.

Но если это и так, говорят на это, то прекратиться войны могут только тогда, когда все люди или большинство их откажется от участия в них. Отказ же одного человека, будет ли он царь или солдат, только напрасно, без всякой пользы для кого бы то ни было погубит его жизнь. Откажись теперь русский царь от войны, его свергли бы с престола, может быть, убили бы, чтобы избавиться от него; откажись от военной службы обыкновенный человек, его отдадут в дисциплинарный батальон, а может быть, и расстреляют. Для чего же без всякой пользы губить свою жизнь, могущую быть полезной обществу? – говорят обыкновенно люди, не думавшие о значении всей своей жизни и потому не понимающие его.

Но не то чувствует и говорит человек, понимающий назначение своей жизни, то есть человек религиозный. Такой человек руководится в своей деятельности не предполагаемыми последствиями своих поступков, а сознанием своего назначения в жизни. Фабричный рабочий идет на фабрику и делает на ней предписанное ему дело без соображения о том, какие будут последствия его работ. Так же поступает солдат, исполняя волю начальства. То же делает религиозный человек, делая то дело, которое предписано ему Богом, не рассуждая о том, что именно выйдет из его работы. И потому для религиозного человека нет вопроса о том, много или мало людей поступают так же, как он, и что с ним может случиться, если он сделает то, что должно. Он знает, что кроме жизни и смерти ничего не будет, а что жизнь и смерть в руках Бога, которому он повинует.

Религиозный человек поступает так, а не иначе, не потому, что он хочет поступить так, или потому, что это выгодно ему или другим людям, а потому, что он, веруя в то, что жизнь его в воле Бога, не может поступить иначе.

В этом особенность деятельности религиозных людей.

И потому-то и спасение людей от тех бед, которые они причиняют сами себе, произойдет только в той мере, в которой они будут руководиться в своей жизни не выгодой, не рассуждениями, а религиозным сознанием.

* * *

...Только что отослал последние листы статьи о войне, как пришло ужасное известие о новом злодеянии, совершенном над русским народом теми легкомысленными, ошалевшими от власти людьми, которые присвоили себе право распоряжаться им. Опять наряженные в разные пестрые наряды, раболепные и грубые рабы рабов, разных сортов генералы, из-за желания отличиться или насолить один другому, или заслужить право присоединить к своим дурацким пестрым нарядам еще звездочку, побрякушку или ленточку, или по глупости, или по неряшеству, – опять эти ничтожные, жалкие люди погубили в страшных страданиях несколько тысяч тех почтенных, добрых, трудолюбивых рабочих людей, которые кормят их. И опять это злодеяние не только не заставляет задуматься или покаяться виновников этого дела, но и слышишь и

читаешь только о том, как бы поскорее еще искалечить и убить побольше людей и еще больше разорить семей и русских и японских.

Мало того: чтобы приготовить людей к новым таким же злодеяниям, виновники этих преступлений не только не признают того, что всем очевидно, что для русских это было даже с их патриотической, военной точки зрения постыдным поражением, но стараются внушить легковверным людям, что эти, как скотина на бойню, заведенные в западню несчастные русские рабочие люди, которых перебили и искалечили несколько тысяч только потому, что один генерал не понял того, что сказал другой генерал, – совершили геройский подвиг тем, что те из них, которые не могли убежать, были убиты, а те, которые убежали, остались живы. То же, что один из этих ужасных, безнравственных, жестоких людей, величаемых генералами и адмиралами, потопил множество мирных японцев, расписывается также как великий, доблестный подвиг, долженствующий радовать русских людей. И во всех газетах перепечатывается ужасное воззвание к убийству:

«Пусть две тысячи убитых на Ялу русских солдат вместе с искалеченными «Ретвизаном» и его собратьями, с нашими погибшими миноносцами научат наши крейсера, с какими разгромами им надо обрушиться на берега низкой Японии. Она послала своих солдат проливать русскую кровь, и не должно быть ей пощады; теперь нельзя, теперь грешно сентиментальничать, надо воевать, надо наносить такие тяжелые удары, чтобы воспоминание о них веяло холодом на коварные сердца японцев. Теперь-то и время крейсерам выйти в море, чтобы испепелить города Японии, чтобы пронестись ужасным несчастьем вдоль ее красивых берегов.

Довольно сентиментальничать».

И начатое ужасное дело продолжается. Продолжаются грабежи, насилия, убийство, лицемерие, воровство и, главное, ужаснейшая ложь: извращение религиозных учений, как христианского, так и буддийского.

Царь, главное ответственное лицо, продолжает делать парады войскам, благодарить, награждать, поощрять, издает указ о сборе запасных. Верноподданные вновь и вновь повергают к стопам называемого ими обожаемым монарха свои имущества и жизни, но на словах только. Сами же, желая отличиться друг перед другом на деле, а не на словах, отрывают отцов, кормильцев от осиротевших семейств, приготавливая их к отправке на бойню. Газетчики, чем хуже положение русских, тем бессовестнее лгут, переделывая постыдные поражения в победы, зная, что никто их не опровергнет, и спокойно собирают деньги за подписку и продажу.

Чем больше идет на войну денег и трудов народа, тем больше грабят всякие начальники и аферисты, зная, что никто их не обличит, потому что все грабят. Военные, воспитанные для убийства, прошедшие десятки лет в школе бесчеловечности, грубости и праздности, радуются, несчастные, тому, что, кроме прибавки содержания, убитые открывают вакансию для их повышения.

Христианские пастыри продолжают призывать людей к величайшему преступлению, продолжают кощунствовать, прося у Бога помощи делу войны, и не только не осуждают, но оправдывают и восхваляют того из таких пастырей, который с крестом в руках поощрял людей к убийству на самом месте преступления.

И то же происходит в Японии. Еще с большим рвением, вследствие своих побед, набрасываются на убийство подражающие всему скверному в Европе, заблудшие японцы. Так же делает парады, награждает Микадо. Так же храбрятся разные генералы, воображая себе, что они, научившись убивать, научились просвещению. Так же стонет несчастный рабочий народ, отрываемый от полезного труда и семей. Так же лгут и радуются подписке газетчики, и так же, вероятно (так как там, где убийство возведено в доблесть, должны процветать всякие пороки), так же, вероятно, наживают деньги всякие начальники и аферисты, и японские богословы и религиозные учителя, не отстающие, как их военные в технике вооружения, и в технике рели-

гиозного обмана и кощунства от европейцев, извращают великое буддийское учение, не только допуская, но оправдывая запрещенное Буддой убийство.

И как будто никогда не существовало христианского и буддийского учения о единстве человеческого духа, о братстве людей, о любви, сострадании, о неприкосновенности жизни человеческой. Люди, уже просвещенные светом истины, и японцы и русские, как дикие звери, хуже диких зверей, бросаются друг на друга с одним желанием уничтожить как можно больше жизней. Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над ними это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и над землей или плавают по морю, разпухая и разлагаясь. И десятки тысяч жен, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но всего этого мало, и готовятся все новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса – трех тысяч человек в день, обреченных на гибель, ни на минуту не прерывался. И о том же озабочены и японцы. Пешую саранчу не переставая гонят в реку, чтобы задние ряды прошли по тем, которые затонут...

Да когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов». Ведь так естественно, зная все это, сказать: «да идите вы, те, кто затеял это дело, все вы, кому нужна война и кто оправдывает ее, идите вы под японские пули и мины, а мы не пойдем, потому что нам не только не нужно этого, но мы не можем понять, зачем это кому-нибудь может быть нужно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.